Герман Алексей 17.8.2000.

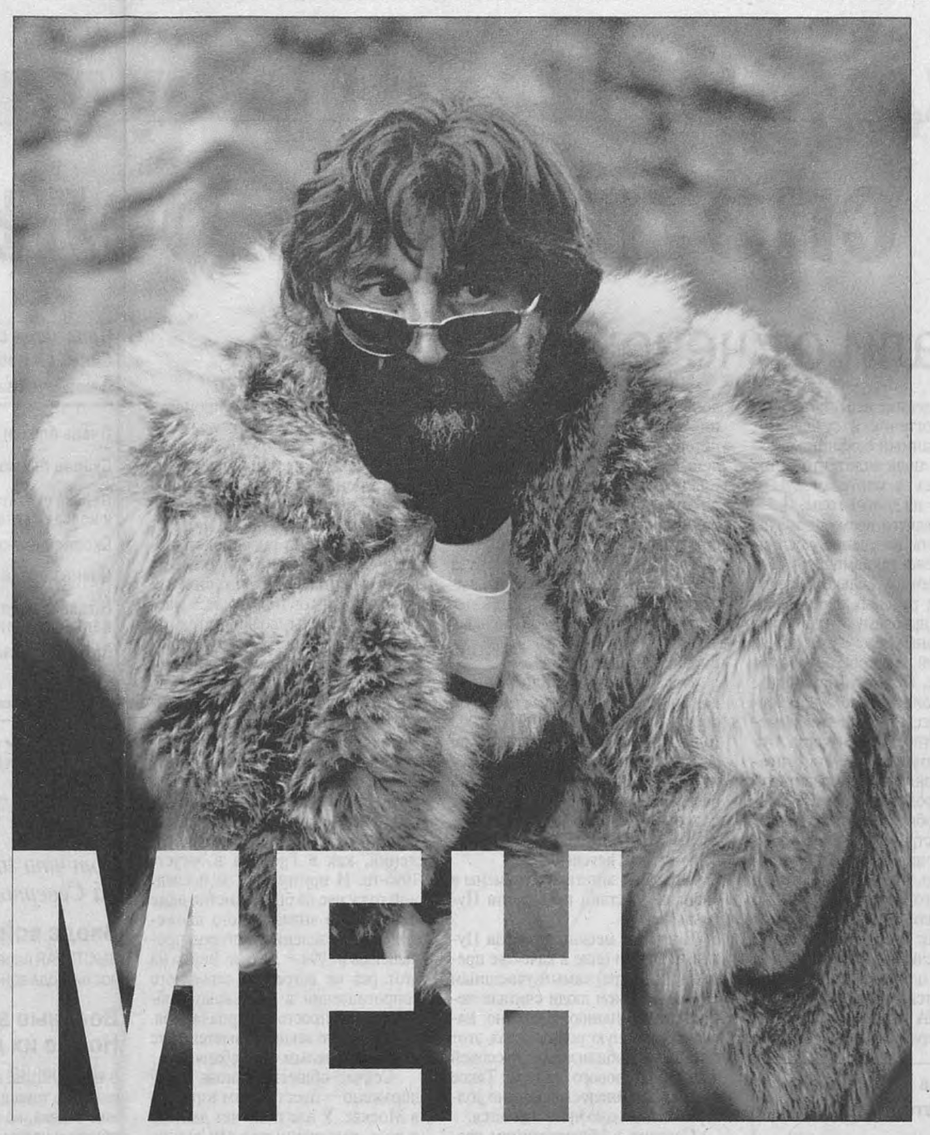
17 – 23 августа 2000 года
ОБЩАЯ ГАЗЕТА
№ 33 (367)

ШОУМЕН из средневековья

Леонид Ярмольник оставил телебизнес ради съемок у Алексея Германа

Алексей Герман снимает кино, что само по себе – тема для множества догадок, предположений и предсказаний. Алексей Герман снимает другое кино. Он покинул выбранную им когда-то раз и навсегда эпоху, оставив далеко в будущем своего друга Лапшина, Лопатина и Хрусталева, и отправился в иные времена, к иным мирам, на иные планеты. Герман снимает Стругацких – «Трудно быть богом». Однажды он уже пытался делать это кино и даже написал сценарий. Тогда, в 1968-м, съемки не разрешили, да и не могли разрешить. Слишком земным и современным казался фантастический роман о средневековой чужой планете. Сейчас, по прошествии тридцати лет, он стал еще более земным и современным, а Германа по-прежнему занимает вопрос, трудно ли быть богом?

Герман снимает долго и трудно. Несколько месяцев уходит на пробы. Он ищет лица. Средневековые лица. Герман всегда находит то, что нужно. Ему нужен герой, и он находит Леонида ЯРМОЛЬНИКА. Актера очень характерного, иногда романтического и лишь в последние годы приоткрывшего нам свой драматический дар. К тому же – абсолютно сегодняшнего. К тому же – заморочившего всем голову телевизионным шоуменством. К тому же – лет на пятнадцать старше своего героя, дона Руматы. Выбор удивительный, но Герман всегда находит то, что ему нужно. Сегодня, по прошествии четырех месяцев экспедиции в Чехии, когда снято примерно четверть фильма, Леонид Ярмольник рассказывает о том, как проходят съемки, и о своих взаимоотношениях с Германом.



Для роли дона Руматы Л. Ярмольнику не понадобился грим

– Говорят, Герман очень требователен в выборе актеров и делает пробы почти так же, как само кино – тщательно и скрупулезно. Вы проходили жесткий кастинг, или Герман сразу знал, что на роль дона Руматы ему нужны именно вы?

– Не думаю. Во всяком случае, когда в прошлом году я снимался у Александра Абдулова в «Бременских музыкантах» и встречался с Германом в коридорах «Ленфильма», ни ему, ни мне не приходила в голову мысль о совместной работе. Ну, здоровались и здоровались. Мы достаточно давно знакомы. Когда-то, лет десять назад, я должен был сниматься у Юрия Векслера в фильме по сценарию Германа и Светланы Кармалиты и играть... молодого Германа. Там вообще было всего два героя – Герман и Кармалита. Картина не состоялась, но состоялось наше знакомство. К тому же продюсер «Трудно быть богом» – Виктор Извеков, человек, который был моим сопродюсером на фильме «Барак», а когда-то работал директором картины на «Иване Лапшине». Он примерно представлял, в каком направлении идут поиски у Германа, по каким критериям подбирается главный герой, и ему показалось, что, наверное, это мог бы быть я. Что происходило дальше, не представляю, потому что влезть в голову Германа никто не может, даже, по-моему, он сам. Как бы то ни было, в конце прошлого лета мне прислали сценарий и пригласили приехать в Питер попробоваться на роль Руматы.

– А кто еще пробовался?

– На финишную прямую вместе со мной вышел Александр Лыков, который снимался в телесериале «Менты» в роли Казановы и в «Операции «С Новым годом!». Мы с ним разные и по возрасту, и по образу, но типаж один: что-то такое длинноносо-длинноволосое. Ну, а потом были такие пробы, каких у меня в жизни никогда не было! Я ездил в Питер раза четыре, последний раз пробыл там неделю. За эту неделю мы сняли чуть ли не весь сценарий, во всяком случае, легче сказать, что в сценарии осталось неснятого. Обстановка была очень нервной. Спорили и конфликтовали постоянно. Я человек достаточно взбалмошный и трудный, а Герман такой же, только в квадрате. Тут и возраст, и самолюбие, и опыт жизненный... Видимо, его так же, как меня, волновал вопрос наших взаимоотношений, потому что перед Новым годом мне сообщили, что, прежде чем состоится утверждение, я должен приехать в Петербург и еще раз переговорить с режиссером.

– Что именно его волновало?

– Его волновало, чтобы я не корчил из себя звезду. Мол, вот это я делать буду, а то – не буду, на это у меня время есть, а на то – нет. Я прекрасно понимал, с кем мне предстоит работать, и, естественно, отдал Герману «право первой брачной ночи» на весь ближайший период жизни. Он может использовать меня так, как считает нужным, и столько, сколько считает нужным, а все остальное я буду делать в свободное от съемок время. При этом по условиям контракта я не имею права появляться в циклических телепередачах в том виде, в котором снимаюсь в кино. А за полгода до выхода картины должен вообще пропасть с телеэкранов.

– Но ведь это подрывает на корню весь ваш телевизионный бизнес!

– Думаю, то, что я делаю у Германа, намного важнее моего телевизионного бизнеса. Могу честно сказать, что то телевидение, которым я занимался последние два-три года, мне надоело. Надоело соревноваться с невероятным количеством одинаковых программ. Пальцев на двух руках не хватит, чтобы их перечислить: ток-шоу, игры, политические дебаты, викторины... Что еще? За последние годы телевидение очень измельчало. Не в смысле своего влияния на умы, а в смысле некоторой необязательности. Хочешь – смотришь, не хочешь – не смотришь. Новых способов общения со зрителем и с самим собой пока не изобретено. Это как в компьютере: мы должны выйти на качественно другой уровень. Но никто пока не нашел тот золотой ключик, который откроет дверцу в сказочную страну. Я начинал работать, когда люди относились к телевидению гораздо серьезнее, а появление на экране воспринималось значительно ответственней. Сейчас у меня то счастливое состояние, когда я могу заниматься своей первой и главной профессией – профессией артиста, и не думать о телевизионном будущем. Кстати, самые хорошие идеи приходят именно тогда, когда о них совсем не думаешь. Может быть, работа с Германом даст мне новые ощущения – ощущения себя в пространстве, в профессии и я пойму, нужно ли мне вообще заниматься телевидением, а если да, то в каком качестве.

– У вас были сомнения, когда вы соглашались на условия Германа?

– Разумеется. Я достаточно болезненно решал вопрос: нужно ли мне это? Болезненно, потому что в силу сложности характера мое присутствие в картине могло пойти не на пользу, а во вред. Но на семейном совете было решено, что жизнь не так уж длинна, сколько нам еще осталось, а из всего, что сегодня делается в кино – во всяком случае, в нашем, – это самое интересное.

– А возраст героя вас не смущал? Ведь Дону Румате по книге лет тридцать, кажется.

– Об этом вопрос не стоял. Фильм снимается по мотивам романа Стругацких, и в сценарии очень многие сюжетные линии изменены. К примеру, у нас погибают те герои, которые в романе остаются в живых. Возраст же, если подходить с философской точки зрения, вообще неважен. Дон Румата – умный, взрослый, сложившийся человек. А сложившимся человеком можно быть и в пятьдесят, и в двадцать, и в тридцать лет.

– Сейчас, когда прошло почти полгода работы, как складываются ваши отношения с Германом?

– Отношения нормальные, но не простые. Не то чтобы мы все время ссорились, но конфликты случаются.

– По поводу чего?

– Ну, они творческий характер носят. Когда мы расходимся в представлении о том, как и что надо играть, что хорошо, а что плохо. Вы понимаете, мы очень тяжело работаем, накапливается морально-нервная усталость, периодически она должна иметь выход. Я выбираю объект, и Герман выбирает объект. Если бьем, то бьем в голову. Для меня голова – он. Для него – я.

– А ни разу не возникало желания «соскочить»?

– Честно? Два раза дело доходило до пограничной ситуации, когда я думал, что для всех будет легче, если я брошу эту затею. Но это такая... полуистерика, что ли. Потом я понимал, что мы взрослые люди, что нельзя доводить друг друга до инфаркта, что нужно искать выход из сложившейся ситуации. И действительно, что-то находилось, придумывалось, работа шла дальше.

В перерыве между съемками (справа – С. Шолохов)

– Герман идет на какие-то уступки, или только вам приходится уступать?

– Идет, конечно, идет. Мы все идем на уступки. Во всяком случае, на сегодняшний день мы уже достаточно хорошо знаем друг друга, чтобы не повторять тех ошибок, бестактностей и неосторожностей, которые допускали раньше. Не знаю, хорошо это или плохо, но у нас фильм черно-белый и отношения черно-белые. Без полутонов. Кто-то считает Германа сумасшедшим, кто-то – гением. Можно назвать его единственным в своем роде из живущих на земле режиссеров. А можно удивляться, как совершенно непонятным, никому неведомым и недоступным способом он делает кино. Можно говорить о его авторитарности, о том, что он принимает только беспрекословную готовность к исполнению. Можно, наконец, перечислять самые пограничные и противоположные качества, и под всем этим я с полной ответственностью подпишусь. Многие, наверное, подумают: снимаешься у Германа, так заткни свое самолюбие куда подальше и делай то, что он говорит! К сожалению, я не всегда могу ко всему этому пристроиться и адекватно реагировать. Но в любом случае: эта работа мне страсть как интересна. Потому что ничего подобного у меня в жизни не было.

– Авторитарность – творческая манера Германа или черта характера?

– А какая разница? Нельзя отделить одно от другого. Герман – это такой комок, в котором сконцентрировано все. И то, как у него болит сердце, прыгает давление, как он не спит по ночам, как переживает, когда что-то не ладится. Все это – один Герман.

– Так что все-таки с вашим самолюбием? Куда вы его дели?

– Никуда не дел. В этом-то весь конфликт и парадокс. Герману очень трудно со мной работать. Но если бы я вдруг превратился в пластилин, ему стало бы со мной неинтересно. Может быть, именно такой я ему и нужен? Может быть, ему надо, чтобы я кочевряжился, доказывал свою правоту, потому что в этот момент, когда мы друг друга в чем-то убеждаем, в этой борьбе самолюбий и точек зрений рождается истина. Сейчас мы пришли к обычному киношному сговору: делаем один-два дубля так, как считает он, и один-два так, как считаю я. А экран покажет, кто прав. Кино такая штука – все равно все складывается на монтаже.

– Есть ли у вас чувство, что сегодня вы, быть может, снимаетесь в главной роли в жизни?

– Вы имеете в виду работу, а не роль?

– В чем же разница?

– Работа с Германом – больше, чем просто роль. Больше, чем кино. Это работа по жизни. Работа жизни. Если картина выйдет и получится все, что было задумано, то, конечно, это будет самая значительная, самая претенциозная и самая трудная работа в моей жизни. Насколько она будет значительна с точки зрения истории кино и гения Германа, пока трудно судить. Само произведение, тема, тот принцип, который исповедует Герман, – все это может так сложиться, что получится фильм фильмов. Люмьер XXI века. Нечто фантастическое, неповторимое и немыслимое. Про все и про всех. И про нас, и про американцев, и про австралийцев. Про человеческую цивилизацию: на чем она зиждется, что в ней важно. Про то, что пока существуют власть, тюрьмы, жестокость, деньги, смерть, болезни, будут существовать все человеческие пороки и достоинства. Неважно, на какой планете этот человек живет, какую религию исповедует, к какой национальности принадлежит. Мне говорят: это же фантастика! Да какая к черту фантастика! Форма фантастики, да. А наша жизнь разве не фантастика? Разве человек не фантастическое существо? Мы половину времени проводим в ирреальной жизни. Ложимся спать и нам снится то, чего не было и не могло быть. Что-то предвидим, предчувствуем, путешествуем по другим мирам. А потом встаем, едим яичницу и идем на работу.

– Вообще Стругацкие – это ваша литература?

– Конечно. Я считаю, что Стругацкие гениально предвосхитили американские «Звездные войны». То, что сейчас так безумно популярно и собирает бешеную кассу, они придумали еще в 60-е! «Звездные войны» – просто мультфильм по сравнению с глубиной и фантазией Стругацких. Американцы сняли первый слой, и им хватило. Это все равно что прочесть «Анну Каренину», а потом заметку в газете: «Вчера на узловой станции такой-то машинист Пердыщенко не справился с тормозами и задавил женщину 28 лет». Вот это «Звездные войны». А Стругацкие – «Анна Каренина».

– И больше всего вы любите...

– ...«Понедельник начинается в субботу». Это та планета, на которой родилась вся современная сатира. И Жванецкий, и Горин, и Задорнов.

– Это правда, что перед началом съемок вы качались на тренажерах?

– Качался и качаюсь. На мне каждый день висит по 35 – 40 килограмм доспехов и оружия. А ведь во всем этом надо еще и трюки делать, и в седле сидеть, и на мечах драться. Говорят, что трюки я уже делаю наравне с каскадерами. А друзья шутят, что еще два-три месяца – и по торсу я практически сравняюсь с Сильвестром Сталлоне. Может, это не так уж и нужно и я появлюсь топлесс всего раз или два, но все то, чем знаменито американское кино, мы ведь тоже можем делать. Просто для нас это не главное. Вернее, не это главное. Я тут побежал смотреть «Жанну д'Арк» Люка Бессона. Там же тоже бои, доспехи, кони. Мне было жутко интересно, как они это сейчас снимают. Так вот, после Германа это полная туфта. Я даже смотреть не мог, не то что сравнивать.

– Смотреть других режиссеров после Германа вы уже не можете. Сможете ли сниматься?

– А надо ли?

– Герман изменил в вас что-то как в актере?

– Как ни странно, он меня успокоил. Первый раз в жизни я вообще не играю. Я много об этом читал и слышал от гениальных артистов – Евстигнеева, Быкова, Никулина, Гриценко, Плятта, – что высший пилотаж и высшее счастье для актера, когда он не пользуется тем, чему его учили. Не играет, а существует. Так вот, первый раз я снимаюсь у режиссера, у которого не надо играть. Надо правильно себя вести в предлагаемых обстоятельствах, жить жизнью персонажа. Наступает момент и кажется, что ты – действительно он. Это самое трудное. И самое легкое, если получается. Думаешь: как же раньше-то я этого не делал? Почему раньше не получалось?

– Леня, а трудно быть богом?

– Да он такой же, как человек! С теми же проблемами и заботами. Просто у него терпения чуть побольше, выносливости, таланта, ума. Трудно быть человеком. Трудно быть порядочным. Трудно быть честным. Трудно быть первым. Трудно любить и быть любимым. Трудно быть верным своему слову. И вот если все эти «трудно» собрать вместе, то можно поставить знак равенства и написать: трудно быть богом.

Беседовала
Ольга ШУМЯЦКАЯ

215